

Ульдов на краю Ойкумены

Валентина Распутина и краеведа из далёкого Заполярья Алексея Чикачёва связывала долгая и трогательная, без малого двадцатилетняя дружба. Великий сибирский писатель познакомился с Чикачёвым в 1988 году, в маленьком селении на берегу Ледовитого океана — Русском Устье, прикоснувшись к его уникальной «досельной» самобытности. Но, едва встретившись с Алексеем Гавриловичем, Валентин Григорьевич сразу понял, что перед ним главный знаток и хранитель культуры индигирских старожилов, человек-клад. И Распутин убедил Чикачёва собрать воедино все его разрозненные краеведческие материалы, благословил на издание первой книги «Русские на Индигирке» и лично написал к ней вступительную статью.

В свою очередь, Алексей Чикачёв стал консультантом и первым читателем ставшего впоследствии знаменитым большого очерка Валентина Распутина «Русское Устье». Этот очерк вошёл в итоговую и особенно ценную для самого писателя книгу «Сибирь».

А совсем недавно, в год 80-летия Валентина Распутина, в Якутске увидело свет новое, значительно расширенное издание книги «Русские на Индигирке», куда помимо повествований самого Чикачёва, вошёл очерк Распутина «Русское Устье». Так два давних добрых друга вновь встретились под одной обложкой.

Мы предлагаем вам главу из этого очерка об удивительном селении у льдов на краю Ойкумены и не менее удивительных его людях.

Валентин РАСПУТИН

Явь и Навь Русского Устья

В прохладный, полосисто освещённый день в начале августа подплыли мы к Станчику — к последнему перед океаном поселению на Колымской протоке. О Станчике я слышал из-за часовни. О ней упоминал академик-археолог А.П. Окладников, собиравшийся перевезти её в Новосибирск, чтобы спасти от непригляда и разорения, о ней же вздыхал А.Г. Чикачёв: «Надо, надо спасать, пока не сожгли, но как — это не мой теперь район», — он тогда работал на Колыме. Издали-далеко, крутясь в лодке по крутым излучинам, видели мы её — согнуто-теремчатую под крестом, а как вывернули из-за последнего мыса, то и вся показалась она на невысоком яру, крайняя к северной стороне среди нескольких протянутых по берегу построек.

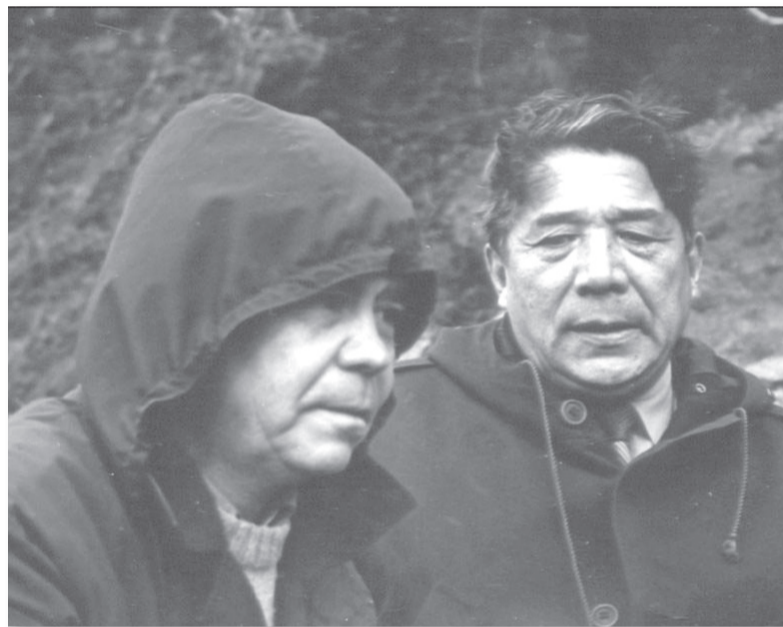
А постройки эти были — три избы да два амбара, тоже не жильцы на белом свете. Часовенка же хоть и возвышалась ещё над ними, но, покосившись, стояла как бы коленопреклонно перед рекой, мёртво уставившись в пространства в воде и зелени, куда она сеяла молитвы.

Надо ли удивляться, что брошенное до яви, до озноба и оцепенения способно показать себя мёртвым. Тут же оставлено было давно. И оставлено так, будто Мамай налетел. На берегу до дыр разошлись лодки и карбасы, осыпавшаяся яма едва выдавала остатки ледника, возле одной из изб приткнута заржавленная пила, на «козлы» для пилки накинута бревешко. В стенах разваленная обиходь, промокшие под сквозящими крышами и окнами одеяла, матрацы, шкуры, в амбарах — изопревшая лопоть. Всё, чем жили, кормились, обогревались, оставлено почему-то по великому спеху — и словно ни одна нога не ступала с той поры.

Здесь я почувствовал осязаемую, как разрушающее давление с неба, тоску. К тому располагала ещё и погода. Небо было сырое, волнами нахлёстывающее на низкие тёмные края, солнце изредка процеживалось холодными высветами. И раз за разом налетал, приняв нас за рыбаков, и кричал поморник.

Оборванный строй покосившихся крестов над могилами грядой отворачивал от реки и в отдалении шёл вдоль неё. Вымочив в болотине ноги, я добрался до кладбища — хоронили и верно по узкому сухому взгорью в строй, но ни голбосов не осталось уже над втянутыми в землю буторками, ни имён на крестах, ни в спину поглядеть, ни больём помянуть. Как в лагере. За неделю до того были мы на ме-

сте огромного лагеря в устье Колымы, оставившего после себя рядом с развалинами барраков и обрывками ключей проволоки вот так же покосившиеся столбики над безмянными костями. Но там хоть прийти некому, те, пригнанные с виной и без вины, и в землю сваливались под номерами, а для этих тут родина, и их хоронили со слезами. Но и ещё, как на ступеньку, спустимся на одно оправдательное «хоть»: тут хоть живых подле похороненных нет, но и там, где есть они по Колыме и Индигирке, всюду одно и то же: оставленность, остуженность, разрыв.

Валентин Распутин и Алексей Чикачёв

сопровождали туда же, на Новосибирские острова, экспедицию М.Геденшторма, ещё раньше вырубали из льдов судно Дм.Лаптева. В экспедиции Э.Толля снова Чикачёв с инициалами Е.Н., три года он ходил в ней проводником, отличился в отыскании кратчайших путей к океанским стрелкам и пожалован был высочайшей наградой. В этой же экспедиции вместе с Толлем плывал Пётр Стрижён, прадед Чикачёвых по материнской линии, и плывал столь полезно, что его именем названы два острова. Егор Чикачёв рубил церковь в Станчике, ту самую, над которой мы только что вздыхали. Дед Чикачёвых

отличие от внутрисибирских вод, требует как бы и глаз иных, привыкших к голоземью, умеющих и в нём находить радость.

По времени ночью, но при свете, даже при продравшемся ненадолго солнцу, чтоб приветить нас, подошли мы к Русскому Устью. Уютно стояло оно — Индигирка здесь выкручивает полуостров. Заметно подмытый берег, но две постройки, как и зимой, когда я тут был, держатся: изба и амбар дажителя Гавриила Шелоховского. Давно уже нет его, нет и последнего квартиранта по фамилии Свиязов, который долго поддерживал здесь жилой дух в полном одиночестве и, по рассказам, от

тоски ни днём, ни ночью не выключал громкоголосое радио. Та же металлическая пластина на стене, обращённой к Индигирке, с фамилиями знаменитых учёных и путешественников, проезжавших через Русское Устье. Но зимой изба была крепче, мы влезали тогда внутрь через окно, чтобы не потревожить в сенцах хлопотавшего там в тряпье горноста, теперь потолок обвалился и дёрн с него травенеет на полу, сильно бьёт изнутри прелью и гнилью. Так же, как зимой, валяются на берегу перевёрнутые карбасы и ветка, так же разбросанно чернеют бочки.

Полуразрушенная часовенка в Станчике